

ОПЫТ КАФЕДРЫ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОТДЕЛЕНИЮ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА (РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕЗ ГАЛСТУКОВ)

Многое было сказано и написано по поводу востребованности выпускников кафедр религиоведения в России, СНГ, за рубежом... Коллеги – Т.А. Фолиева, П.Н. Костылев и другие, достаточно качественно оценивали и готовность общества к принятию в «трудовой сетке» подобных специалистов, о которой мы рассуждали десять лет назад, и то, к чему мы пришли сегодня. Отчасти необходимо признать, что мы в этом виноваты сами – видимо, мы не так поняли социальный заказ. Отчасти это связано с тем, что общество формулирует свои ожидания в несколько иной, видимо, форме, нежели религиоведы готовы воспринять и ответить, и происходит некая взаимная неувязка. Попробуем разобраться в причинах этой несогласованности, влияющей на развитие религиоведения в стране.

1. В порядке отчета

Если, как это принято сегодня, говорить о региональном центре, которым является кафедра религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета, то «в цифрах и фактах» сегодня мы выглядим так:

а. Кафедра ведет подготовку по трем бакалаврским и четырем магистерским программам;

б. Магистерская программа «юридическое религиоведение» на данный момент не имеет аналога в стране;

с. В 2016 году планируется набор на пятую, новосозданную уникальную магистерскую программу «Транснациональная миграция и религиозная адаптация»; данная программа ориентирована на англоговорящих студентов;

д. В 2015 году на профильной кафедре открыта аспирантура по направленности «Философия религии и религиоведение», а также получил одобрение Президиума ВАК Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности 09.00.14 – Философия

религии и религиоведение. Уже сейчас ожидается защита первых шести кандидатских диссертаций.

е. На кафедре обучается порядка 150 очных студентов бакалавриата и магистратуры, через год предполагается, что их будет порядка 200 (с учетом резкого увеличения контрольных цифр приема);

ф. В течение последних лет половина средств НИР, зарабатываемых Институтом социально-философских наук и массовых коммуникаций, на одном из отделений которого находится кафедра религиоведения, зарабатывается кафедрой религиоведения.

г. Выпускники магистратур 2015 года на 80% работают по специальности, примерно 20% обучающихся принимаются по договору целевой подготовки от органов исполнительной власти.

h. Количество преподавателей кафедры увеличилось с восьми до двадцати двух, причем, если в 2012 году на кафедре на основной должности не работал ни один доктор наук, на данный момент кафедра насчитывает шесть докторов, четыре из которых защищались по философии религии и религиоведению. Повысилось качество ППС, существенно снизился средний возраст – сегодня кафедра представлена всеми поколениями педагогов и исследователей.

Казалось бы, цифры более чем благополучные и свидетельствуют о востребованности данных специалистов в регионе – мы говорим о регионе, поскольку распределение КЦП (контрольных цифр приёма) предполагает работу по субъектам. Однако удивляет тот факт, что последние три года, сопровождаемые резким подъемом поступающих абитуриентов, увеличение среднего балла ЕГЭ и качества приема, мы наблюдаем до семидесяти процентов иногородних студентов.

2. Как это было достигнуто и с чем нам пришлось работать

Принимая в начале 2013 года кафедру религиоведения под руководство, я должна признать, что ситуация была в целом стандартная и знакомая для всех религиоведческих центров в стране. Снижение числа бюджетных мест до пяти грозило кафедре потерей преподавательских ставок и в перспективе – закрытием, научные исследования и заказы обходили кафедру стороной, так как социологи и антропологи, как практики, могли предложить

более практикоориентированные исследования. Требовалось срочно принимать решения по стабилизации ситуации, затрагивающих различные сферы деятельности кафедры:

а. Работа над открытием аспирантуры, так как воспроизводство научных кадров было поставлено под угрозу. Это удалось сделать лишь в 2015 году, однако мы смогли открыть и Диссертационный совет.

б. Работа над открытием новых направлений подготовки для сохранения профессорско-преподавательского состава. Было выбрано направление «Теология» с профилем «Государственно-конфессиональные отношения». В результате кафедра в 2013 году открыла сразу два бакалавриата, и две магистратуры: «Христианская теология» и «Исламская теология».

с. Разработка новых, инновационных методов обучения, усиление компетентностного подхода.

д. Повышение качества профессорско-преподавательского состава, привлечение преподавателей на реальной конкурсной основе.

е. Усиление взаимодействия с потенциальными работодателями.

Одним из удачных, на наш взгляд, экспериментов, оказалось внедрение игропрактических методов в педагогический процесс. Исследование показало, что студенты, даже по окончании соответствующих дисциплин, не всегда готовы проявить свои навыки на практике. Мы разработали серию деловых игр, благодаря которым студенты-магистранты и бакалавры старших курсов могут попрактиковаться на студентах младших курсов, что дает более высокую эффективность в полевых исследованиях. Для первокурсников же это – введение в специальность, знакомство с тем, как взаимодействуют религиозные организации с людьми, в чем это выражается, какие способы коммуникации используются и т.д. Эти игры получили свою востребованность и в среде государственной службы: в 2013-2014 годах главы и сотрудники районных администраций Республики Татарстан обучались посредством разработанной коллективом игротехников нашей кафедры системы игр взаимодействовать с различными религиозными организациями, определять конфессиональную

принадлежность различных групп. Так достигалось, в том числе, взаимодействие с теми, кто отвечал за трудоустройство наших выпускников.

3. И все-таки...

Так в чем же, на мой взгляд, состоит основная проблема религиоведения в нашей стране? Есть ли у него будущее?

Предположу, что неготовность общества, и особенно – тех, кто говорит от его имени: руководства и прессы, – к принятию и пониманию сущности нашей науки, продолжает представлять угрозу полноценной «легитимизации» религиоведения. Государственный и социальный заказ предполагает, что общество должно что-то сформулировать, передать на исследование подготовленным специалистам, и получить от них квалифицированный ответ. До сих пор одним из серьезных камней преткновения было то, что философски ориентированное религиоведческое сообщество не было готово давать рекомендации и изучать то, что находится «в поле». Сегодня ситуация меняется, однако, как выясняется, общество все так же не готово сформулировать, что же ему требуется. А соответствующие структуры все так же не готовы за это платить.

Кафедра религиоведения КФУ регулярно получает запросы следующего содержания: «Просьба предоставить результаты мониторинга новых религиозных движения за такой-то год к такому-то совещанию у такого-то министра». Устный комментарий подобен мемам «вконтакте»: «Вы ж религиоведы». То есть подобная информация, с точки зрения властных структур, должна и так быть под контролем кафедр религиоведения, и оплачивать то, что и так выполняется для подтверждения профессиональной пригодности, не требуется. Отказы воспринимаются достаточно болезненно.

Подобные примеры могут быть распространены и на другие структуры: религиоведческие исследования и экспертизы для МВД, регионального Минюста, и т.д. оплаты чаще всего не предполагают, так как это демонстрация «региональных профессиональных качеств» религиоведа, и если кто-то не может этого сделать, он «не достоин занимать должность доцента КФУ» (цитата из гневного письма чиновника руководству университета в 2013 году, в ответ

на отказ от бесплатной работы – по понятным причинам, об именах умолчу).

Продолжением этого вопроса является другой: в новосозданном Федеральном агентстве по делам национальностей сколько религиоведов нашли свое применение? Осознает ли государство их необходимость в данной структуре?

В последнее время мы все чаще встречаем и другую печальную тенденцию, свойственную многим регионам: когда религиоведение путают с теологией. Так, новоназначенный митрополит Казанский и Татарстанский Феофан (Ашурков) недавно рассматривал запрос малоизвестного негосударственного вуза об открытии направления «Религиоведение» в Казани, с привлечением служителей Церкви в качестве профессорско-преподавательского состава. Учитывая, что в Казани десять лет действует кафедра религиоведения, и коллектив кафедры складывался весьма непросто (кафедра представлена сегодня тремя странами и шестью городами России), удивляет легкость, с которой данный вуз посчитал допустимым осуществлять такую работу силами Церкви, которая, конечно, не может похвастать квалифицированными религиоведами – в лучшем случае, дипломированными теологами. Логично было бы скорее предположить, что иерарх пойдет на сближение с опытной кафедрой, выпускающей теологов, и готовой предложить свою помощь в воссоздании Казанской духовной академии. Остается только надеяться.

И еще одна явная сложность заключается в очевидном противодействии, оказываемом религиоведению средствами массовой информации. Именно СМИ отражают тот самый соцзаказ, и именно СМИ должны информировать общество относительно работы религиоведов. Однако, ситуация оказывается прямо противоположная.

К примеру, некоторое время назад одна из кафедр КФУ, осуществляющих подготовку журналистов, под указанием общественной палаты Республики Татарстан, начала разработку программы, направленной на подготовку журналистов, освещающих национальные и конфессиональные вопросы. Данная работа явилась результатом замечаний, высказанных Республикой, относительно

низкой квалификации специалистов, работающих по данному профилю. Однако, рекомендации кафедры религиоведения по внедрению ряда курсов не были услышаны, а все другие направления подготовки удалили религиоведение и историю религии из числа курсов по выбору. Действительно, раз теперь создана магистратура, и перед властями можно отчитаться повышением религиоведческих компетенций – рядовым журналистам нет необходимости изучать что-то еще.

Таким образом, практическая применимость религиоведения ни на региональном, ни на государственном уровне все так же не осознана – где пределы наших компетенций? Чем мы должны заниматься? Пока мы не сможем наладить нормальную систему коммуникаций, где будут четко сформулированные вопросы и ответы, поставлены задачи, указаны запросы, озвучены решения – религиоведение будет находиться в маргинальном положении, без руля и ветрил...